

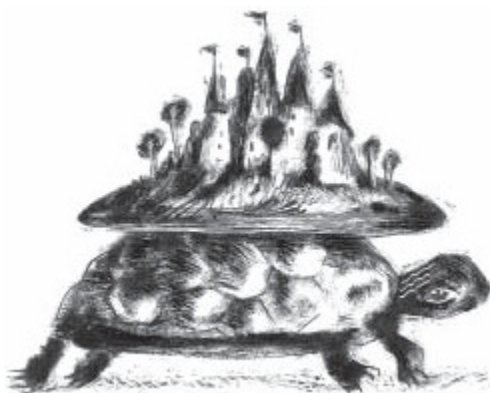
Константин Арбенин

ЗАЯВКА НА ПОДВИГ

Сказочное повествование

Серия «Время — детство!»

Известность Константину Арбенину принесли его музыкальные проекты — в первую очередь группа «Зимовье зверей», которая на долгие годы стала главным делом этого самобытного барда, композитора и драматурга. Но параллельно с Арбениным–музыкантом рос и Арбенин–поэт, сказочник, художник — увидели свет уже несколько книг его стихов и прозы с авторскими иллюстрациями. Сегодня главными своими читателями Арбенин считает детей: он регулярно публикуется в журналах «Мурзилка», «Чиж и Еж», ставит сказочные спектакли, записывает передачи для радио и телевидения. Книга «Заявка на подвиг» вошла в лонг–лист национальной литературной премии «Книгуру» за лучшее произведение для детей и подростков.

*Саше
Арбениной —
любимой,
жене, другу*

I
ПОДВИГ —
ДЕЛО
НЕБЫСТРОЕ

ил на свете рыцарь — не то чтобы бедный, а, скорее, среднего достатка. Звался он барон Николай. Жилось ему так себе, не очень хорошо, а виной всему — нетвердый характер и рассредоточенность. Этот рыцарь ни одного подвига не мог довести до конца. Начинал очень лихо, героически, а потом как-то сдувался,

отвлекался на какую-нибудь даму сердца или на оружие (и в том и в другом он хорошо разбирался и был страстный коллекционер) и пускал дело на самотек. И его благородные замыслы тихо сходили на нет.

Бывало, вызовет на поединок негодяя, бросит ему в лицо перчатку, а утром проспит и в назначенный час на дуэль не является. Ничего, думает, я его, мерзавца, еще раз вызову да время-то попозже назначу, поближе к вечеру. А потом все никак не соберется перчаток купить, чтобы вызов сделать. Пока соберется — уже другой рыцарь того негодяя давно заколол, оказывается.

А еще вопиющий случай был. Завелся близ Анахронезма (так назывался город, в котором наш рыцарь проживал) лютый змей и стал похищать окрестных принцесс и герцогинь для бесстыдного пополнения своего гарема. Вот и вздумал барон Николай того змея наказать и пленниц освободить, раструбил о своем намерении на весь свет, снарядил коня, вооружения на него повешал, доспехи пастой «гойя» надраил до ливрейного блеска, а, едва тронувшись в путь, вспомнил, что забыл провиантом запастись. Тогда притормозил он своего коня возле ближайшей продуктовой лавки, зашел в нее, но вместо покупок начал разводить разговоры с тамошней продавщицей из мясного отдела. Как зацепился языком — так и все, пиши пропало! Змей ждет, принцессы и герцогини ждут, конь ждет, придворный оркестр — и тот ждет, репетирует туш. А рыцарь уже позабыл обо всем — до конца рабочего дня так и

прошептался со своей продавщицей сердца, а потом вышел на двор — темно уже, конь куда-то упасся, спать хочется. В итоге побрел горе-рыцарь домой, думает: завтра коня найду и по новой в путь отправлюсь. А на завтра, понятное дело, запал уже пропал, настроение небоеовое, ну и прочие уважительные причины... Хорошо еще конь у него ученый был, сам дорогу домой находил. Да еще хорошо, что змей нынче гуманный пошел — принцессам и герцогиням создает приемлемые условия, такие, что те нормально плен переносят, а некоторые и вовсе потом от свободы отказываются. И потом, среди рыцарей немалая ныне конкуренция — нашлось, кому змея-похитителя покарать и заслуженную славу себе заработать.

И уж совсем опозорился барон Николай с крестовым походом. И, главное, ведь сам всех знакомых рыцарей взгоношил: идемте, говорит, на неделю в крестовый поход! Те со службы отпросились, укомплектовали рюкзаки и палатки, настроили лютни, переодели дам сердца в походное. А рыцарь накануне выхода вспомнил вдруг, что в этот день футбол показывают — чемпионат феодальных округов! Ну ладно, думает, я только посмотрю самое начало, как там бретонцы с нормандцами сыграют — и нагоню своих. Сел, уставился в чудо-ящик, да так неделю и не вылезал из замка! Кстати, дама сердца, которую он с собой в тот крестовый поход пригласил, нашла себе в походе другого ухажера, а нашему олуху устроила по возвращении настоящую сцену из рыцарских времен. И поделом.

Словом, все рыцари — как рыцари, а наш — неумеха и разгильдяй; все больше дома сидит, а если вылезет куда, то еще хуже получается. Домой возвращается ни с чем — щетиной заросший, лицом опухший, латы вечно помяты очередной дамой сердца или ее законным мужем, словом, не рыцарь, а какой-то вечный бой. Старушки, которые возле его замка яйцом торговали, так и прозвали его: бой-рыцарь.

Вот таким балбесом протянул барон Николай до сорока лет, подрастерял на своем ратном пути обе коллекции, врагов себе не завел, друзей распугал и на День рождения остался в полном одиночестве. Призадумался о жизни своей бестолковой. «Мне бы, — вздыхает, — хоть бы один подвиг до конца довести! Хоть бы один свой геройский замысел осуществить!» Повздыхал-повздыхал, покручинился — и почувствовал вдруг всем своим нутром, что на этом присказка его закончилась, а значит, пора бы начаться уже и сказке. С горя выпил он лишнего и пошел на улицу куролесы

куролесить: искать ветряные мельницы или еще что-нибудь, с чем можно сразиться, не отходя, так сказать от кассы. То есть, пошел своей сказке навстречу.

Неизвестно доподлинно, что же там произошло ночью — было это началом сказки или еще только быль заканчивалась, — а только утром следующего дня обнаружился наш новорожденный рыцарь в кусте шиповника под стеной своего трехкомнатного замка. Меч его был выгнут скрепкой, а латы измяты, как яичная скорлупа. Судя по всему, он все-таки сразился ночью с какими-то местными разбойниками.

И так случилось, что одна молодая незамужняя женщина по имени донья Маня, которая проживала тут же неподалеку, отправилась этим утром купить полтора десятка яиц, пока не кончились деньги. Купила и смотрит — лежит в кустах рыцарь. Она и стала спрашивать:

— Чей это рыцарь? Кто рыцаря обронил?

А старушки, которые яйцом торговали, говорят:

— Да это ничейный рыцарь. Это ж бой-рыцарь, он никому не нужен — ни на размен, ни на сдачу.

— Как это не нужен? — удивилась женщина. — Мне рыцарь очень даже пригодится.

Старушки ее отговаривать принялись:

— Оставь, красавица, с ним только морока на голову, это ж бракованный рыцарь, шалопут, ни одного подвига до конца не досвершил!

А донья Маня на них цыкнула, ухватила рыцаря под мышки — хватка у нее ничего себе была — и утащила к себе в дом, да так ловко, что ни одного купленного яйца не побила по дороге.

Проспался барон Николай, пришел в сознание, а донья Маня растворила ему кофе, приготовила яичницу. Он и размяк — стал о своей жизни рассказывать да на судьбу всеу пенять.

— Это не беда, — говорит ему донья Маня, — что ты подвиги до конца не доводишь. Некоторые вообще их и не

начинают: считают, что подвиги — это пережиток. Так что, не отчаивайся, не все у тебя потеряно, твоя сказка еще только начинается. И вообще, это тебе сказочно повезло, что ты со мной повстречался. Вот я за тебя возьмусь — так ты такое совершишь, о чем другие рыцари и мечтать не пробуют!

— Нет, — возражает рыцарь, — мне дамы сердца не нужны больше, от них только суета и нервозность. Мне другое нужно: оруженосца бы мне, я б тогда горы свернул.

— Хорошо, — говорит девушка. — Я твоей дамой сердца быть вовсе и не собиралась — была бы охота! А насчет оруженосца... это можно попробовать. Так и быть, бой-рыцарь, буду твоей оруженоской, дело хорошее.

— Оруженоской? — изумляется рыцарь. — А время у тебя есть? Подвиги, знаешь ли, — дело небystрое.

— Время есть, — отвечает донья Маня. — Я учительницей младших классов работаю в бургерской спецшколе, и сейчас у меня как раз летние каникулы.

— Тогда по рукам!

Согласился барон Николай на такой альянс и по этому случаю у своей оруженоски еще чашечку растворимого кофе попросил — больно вкусный!

А, допив кофе, почувствовал он насущную необходимость принять душ или даже ванну. Донья

Маня выдала ему полотенце и мохеровый халат, но предупредила, что вода у нее только холодная: горячую, видите ли, опять отключили.

— Ну да это не беда, — добавляет, — ты ж рыцарь, тебе ж закаляться полезно.

Барон Николай на это заявление такую мину поперек лица изобразил, что самому во рту кисло стало.

— Нет, — говорит, — это не дело — доблестному рыцарю в холодной воде плескаться. Пойдем лучше ко мне, у меня в замке газовая колонка, горячая вода круглый год без перебоев.

Оруженоска на него посмотрела с укоризной и говорит:

— Вот теперь мне все ясно. Поэтому ты, друг ситный, и не доводишь до конца свои подвиги: ты, оказывается, эгоист. Думаешь только о себе, чтобы только тебе хорошо было! А горячей воды, между прочим, во всем Анахронезме нет! И вот что я тебе скажу на правах верной рыцарской оруженоски: ты должен всем горожанам — твоим, между прочим, соседям — прийти на помощь и воду горячую в их дома вернуть! Если не ты, то кто же? И это будет твой первый личный подвиг, которой — при активной моей поддержке, разумеется — ты доведешь до самого логического завершения. Понял?

— Как это? — огорчается рыцарь. — Прямо вот так, с места в карьер? Не успели познакомиться — и сразу за подвиги!

— Подвиги не ждут, — твердо заявила донья Манья и втолкнула барона Николая в ванную, — А чтобы лучше прочувствовать неотложность экспедиции, не ерепенься, залезай сейчас же под холодный душ и раз и навсегда забудь обо всех газовых колонках на свете. Закаляйся, бой-рыцарь мой, барон Николай. А я пока у старушек выпрошу, в каком направлении нам ту горячую воду искать.

Через полчаса барон Николай из ванной вышел — весь раскрасневшийся, взбодрившийся, в оранжевом доньи-манином халате похожий на перезрелый персик. Тут и оруженоска вернулась.

— Значит так, — говорит, — я все, что нам нужно, узнала. Горячей воды нет, потому что из городской котельной похищена важнейшая деталь — Золотой Вентиль. Без этого Вентиля гномы-водопроводчики воду включить не могут. А украл его злостный великан по имени Аноним Имярекович Псевдонимов. Ничего о нем больше не известно, кроме того, что он этот Вентиль крадет каждое лето и этим своим воровством сильно утомил всех жителей нашего города, они его на чем свет стоит ругают.

— И что же мы будем делать? — интересуется рыцарь.

— План такой: идем его искать, вызываем на поединок, побеждаем, забираем Золотой Вентиль, возвращаемся, врубаем горячую воду. После чего ставим памятную зарубку на твоих латах. Если, конечно, такую зарубку не поставит тебе Аноним Имярекович на чем-нибудь другом.

— И всего-то! — горячится рыцарь. — Это запросто, это делов-то на три дня, не больше... Вот только — не опасно ли?

— Опасно, — отвечает оруженоска. — Еще как опасно. А

ты чего ж хотел — безопасных подвигов?

Рыцарь нахмурился, пошарил вокруг себя руками.

— Да нет, — говорит. — А, кстати, где мои латы?

— Я их в кузню сдала, мастера у меня там знакомые: отстучат к завтрашнему утру, вот тогда и в путь двинемся.

Рыцарь походил из угла в угол, еще чем-то озадачился.

— А как же я великана на поединок вызывать буду? — размышляет. — У меня ж ни одной перчатки не осталось — все по негодьям раскидал! Есть только кухонная рукавица — горячие кастрюли хватать, но она мне дорога как память, мне ее одна дама сердца подарила, сама сшила... У тебя перчатки лишней не найдется?

— Ну, хватит про ерунду болтать, — перебивает донья Маня. — Без перчаток обойдемся, слава богу, не в каменном веке живем, не в античности — средневековые на дворе! Повесткой его вызовем: время, место, что иметь при себе, вместо печати — черная метка. Сразу явится, как миленький, знаю я этих прохвостов!

На том и порешили.

Утром оруженоска сбегала к кузнецу, получила отремонтированные латы, восстановленный меч да на обратном пути взяла в прокат вьючного ослика. Приготовила завтрак, разбудила барона Николая и заставила его сделать зарядку. Пока пять раз не отжался, в кухню его не пускала — с рыцарями только так и надо. Потом из рыцарского замка забрали оставшееся оружие, погрузили его на осла, туда же — два тюка с консервами и бутербродами. Коня поклажей нагружать не стали: рыцарь от долгого сидения дома тяжеловат сделался, а конь, наоборот, отошал на вольных хлебах — в пору бы рыцарю коня-то на себе тащить.

— Я, — говорит оруженоска рыцарю, — помимо твоего вооружения, еще линейку взяла.

— Какую линейку? — зеваёт барон Николай.

— Обыкновенную, школьную. Я этим видом оружия очень хорошо владею, проверенная вещь, надежная.

И тронулись в путь — сонный рыцарь на коне да его оруженоска на навьюченном под завязку ослике. Поехали искать великана Анонима Имярековича.

Однако, не так-то просто оказалось на его след напасть. Целых пять дней колесили по горам да по лесам, вкушали прелести и лишения рыцарской жизни. Оруженоске с бароном Николаем нелегко пришлось, он совсем форму потерял, ныл постоянно: это ему не так, это ему не то, вода в озере не фильтрованная, яблоки на яблоне невымытые, в

пустыне ему жарко, в пещере холодно, в ручье мокро, ох и привереда! И все время домой вернуться хотел, донья Маня еле-еле его сдерживала, вперед толкала, несколько раз даже линейкой по затылку шлепнула для профилактики.

Наконец, в одном селении из-под полы приобрели запрещенный путеводитель «Леса, горы и пещеры средневековья» с картой-схемой. Таких путеводителей когда-то много выпущено было, но потом их по приказанию самого короля Артура

Артуровича сожгли — как издание, приоткрывающее постороннему глазу военные тайны королевства. Только несколько экземпляров у спекулянтов-первопечатников осталось, вот один из них донья Маня и выменяла на банку единорогового паштета. Там, на этой карте-схеме, и обнаружили наши герои среди прочих достопримечательностей обиталище злостного великана Псевдонимова А.И., подходить к которому в путеводителе настоятельно не рекомендовалось.

Еще два дня пути добирались до означенного пункта, чуть, было, не заблудились: у барона Николая, ко всему прочему, обнаружился топографический кретинизм, а он сознаться в том долго не решался, пока вообще не зашли в тупик; что же касается компаса, то с ним рыцарь и вовсе обращаться не умел. Только донья Маня ситуацию спасла — взяла компас в свои умелые руки, обозвала рыцаря «двоечником» и вернула экспедицию в нужное русло.

Сказка-то скоро сказывается, да не скоро подвиг совершается. Вот, наконец, достигли рыцарь и его оруженоска ворот великанского замка. Кругом — скалы и трава по пояс. Высокий частокол из острых бревен, ворота, на

воротах — почтовый ящик величиной с человеческую дверь. Разбили наши герои возле ворот палаточный лагерь, барон Николай от усталости сразу уснул крепким рыцарским сном, а донья Маня выписала хозяину замка повестку, в которой обязала его явиться с вещами и личным оружием на поединок завтра утром, в 9:00, на территорию прилегающего к замку заброшенного баскетбольного поля. Нарисовала череп и кости для устрашения, поставила свою школьную печать и опустила повестку в почтовый ящик. И только уж потом спать легла, да и то спала вполглаза, всю ночь настороже была, за рыцаря своего переживала. А утром проснулась ни свет ни заря, приготовила легкий походный завтрак, потом, как обычно, растолкала рыцаря и отсчитала с него за завтрак пятнадцать отжиманий.

Вышли на заброшенное баскетбольное поле, стали ждать великана. В 9:00 нет великана. И в 9:15 нет. Наконец, в 9:35 смотрят — бежит, торопится.

Прибежал, в одной руке чемодан какой-то, в другой давешняя повестка. Говорит, тяжело дыша:

— Извините, проспал... — и протягивает повестку: — Великан Псевдонимов Аноним Имярекович по вашей повестке явился собственной персоной.

— Так-так, — говорит оруженоска. — Какой вид оружия предпочитаете?

— Позвольте для начала узнать, с кем имею честь сражаться? — спрашивает великан.

— Барон Николай, рыцарь, — объясняет донья Маня. —

Девиз написан на щите.

— Я, извините, в латыни не силен.

— Это не латынь, — говорит оруженоска, — это просто у данного рыцаря с родным языком плохо, тройка с минусом по правописанию. У вас какое зрение?

— У меня дальнозоркость, плюс два.

— Вот поэтому вы и не можете прочитать. А если бы у вас была близорукость, минус три, вы бы прочли запросто. Читаться это должно так: «Подвиг — дело небыстрое». Еще вопросы есть?

— А какой же то рыцарь, — спрашивает великан, — народный или заслуженный?

— Просто рыцарь, — отвечает оруженоска. — Доблестный и героически настроенный.

— А... — говорит великан, — ну ничего страшного... Очень приятно. Я тоже — просто великан, без званий. Значит, мы в одной весовой категории.

— Это как сказать, — говорит донья Маня великану, а рыцарю своему шепчет: — Мелковат великан, не впечатляет. Спорим, ты его с трех ударов в нокаут отправишь?

— Спорим, — кивает рыцарь и берет ее руку в свою. — Со второго.

А великан, и правда, невелик собой, всего в два с половиной человеческих роста, по великанским меркам — ниже среднего. Да и мышцами не особо рельефен, плечи тоже узковаты, в общем и целом — ничего страшного нет.

— Мы тут поспорили, — говорит великану оруженоска, — разбейте нас, пожалуйста.

И подставляют спорщики Псевдонимову свои сцепленные в рукопожатии руки. Великан кивнул, размахнулся, и, разбивая, ногтем задел барона Николая по уху. Вроде и не особо сильный удар был, да только рыцарь так сразу навзничь и пал без сознания, лишь латы зазвенели.

— Я не хотел, — кричит великан Псевдонимов. — Я случайно.

— Да ты что ж, ирод, творишь! — набросилась на него донья Маня. — Еще оружие не выбрали, а он уже тумачи раздает! Сейчас дисквалифицирую и победу барону Николаю сразу запишу, верзила такой!

А великан Псевдонимов аж покраснел — он же действительно не хотел, действительно случайно он рыцаря задел, больно уж рука у него тяжелая. Он оруженоску успокаивает, оглушенного пальцем теребит, чтобы в сознание пришел.

— Не лезь, — отталкивает тот палец донья Маня, — тоже мне помощник выискался!

— Честное слово, я не хотел, — оправдывается великан.

Слава богу, рыцарь быстро в сознание пришел, а то бы несдобровать великану Псевдонимову.

— В общем, это не считается, — говорит оруженоска и рыцарю своему подняться помогает.

— Хорошо, хорошо, — соглашается великан.

Донья Маня развела поединщиков в разные углы поля, сама посередине встала.

— Значит так, — говорит. — Вам, господин Псевдонимов, засчитываются два штрафных очка — за опоздание и за фальстарт. Ясно? Но как вызванная сторона вы имеете право выбирать оружие. Ну? Какое оружие выбираете?

— Оружие у меня одно, — говорит великан. — Я дубину предпочитаю, необработанную, стоеросовую. Вот у меня как раз дуэльный наборчик с собой захвачен.

И выставляет на обозрение большущий, черным бархатом обитый футляр чемоданного типа, в котором аккуратно — одна к другой — уложены две сучковатых дубинищи. Барон Николай как увидел эти предметы, так всем остовом своим покачнулся, даже доспехи у него похолодели, но, делать нечего, правила есть правила. Донья Маня дубины осмотрела внимательно, прощупала сучки.

— Хорошо, — говорит, — принимается. Берите дубины и вставляйте друг против друга. Сражаться будем до нокаута.

Помогла она рыцарю забраться на коня — он и стал с великаном практически одного роста. Дала ему в руки дубину — едва дотянула ее из футляра до рыцаря. Потом взяла в руки свисток, сосредоточилась, подает команды:

— Лупить начинаем по свистку. Все понятно? Псевдонимов, спину не горбите! Барон Николай, ворон не считай, на противника гляди!

Досчитала до трех, свистнула. Оба поединщика замахнулись да как съездят дубинами друг по другу. От первого удара рыцарь с коня слетел, а великан на попу шлепнулся.

— Отлично, — кричит донья Маня, а сама от увиденного морщится. — Давайте, давайте, не расслабляться!

Конь рыцарский накала не выдержал, в сторонку отошел, прилег отдохнуть на травку. Поднялись обе стороны на ноги, плюнули на свои ладони, дубины покрепче перехватили.

— Может, хватит? — кричит рыцарь.

— Разговорчики во время боя! — строжит оруженоска. —

Брек! Сходимся, сходимся, — а сама глаза зажмурила со страху.

Размахнулись, барон Николай великану снизу вверх заехал, только челюсть чуток набок свернул, а тот его сверху вниз шибанул, — как гвоздь, по пояс в землю вогнал.

Пока рыцарь равновесие свое восстанавливал, великан Псевдонимов пощупал челюсть рукой, вставил ее на прежнее место, сплюнул и говорит:

— Давайте-ка, ребята, на этом закончим поединок, а то, чего доброго, действительно до нокаута дело пойдет. А я шибко сомневаюсь — надо ли? Ежели я этого доблестного незаслуженного рыцаря следующим ударом в землю забью по шляпку, то его уже потом выкопать навряд ли удастся — почва тут плотная, каменистая.

Донья Маня смотрит на картину боя задумчиво, слова великановы в уме взвешивает. А барон Николай торсом извивается, щит бросил и пытается свой шлем на голове поправить — он от удара сплюснулся и сквозь смятые прорези не видать ничего. Великан подошел к рыцарю, достал из кармана великанскую бутылочную открывалку, помог рыцарю шлем снять. Покатился шлем по камням, как консервная банка, да куда-то в расщелину канул. Великан взглядом его проводил, присел рядом с рыцарем, закурил трубку великанскую.

— Перекур, ребята, — говорит.

Донья Маня принялась рыцаря своего за подмышки тягать, да что-то трудно идет — очень прочно он в землю зашел, будто не гвоздем его вбивали, а шурупом закручивали.

— Вы бы лучше, ребята, объяснили, — говорит великан, — по какому такому злодейскому поводу я вам понадобился. Что вам нужно-то от меня? Почто деремса-сражаемся не на живот, а до полного нокаута? Может быть, я и так готов на уступки пойти, без мордобоя. Рукоприкладство, ребята, не метод, это я вам как злодей со стажем говорю.

— А то ты не знаешь, — подает голос вкрученный в землю барон Николай, — по какому поводу мы к тебя явились!

— Не знаю, ребята, — пускает дым великан. — Много за мной злодейств числится.

— Да ну, — не верит донья Маня. — Неужто много? А так по вам и не скажешь, приличный великан. Если б не курили, у меня б вообще на ваш счет хорошее мнение сложилось бы.

— Злодейств-то много, — вздыхает великан Псевдонимов, — да только ни одно из них не закончено, ребята. Ведь я, ребята, не простой злодей, а злодей-

неудачник. Ни одной своей пакости до конца довести не могу, представляете! Не получается, и все тут — хоть ты плачь!

И рукой махнул — сам себе опечалился. Рыцарь и оруженоска переглянулись — посмотрели друг на друга многозначительно, со смыслом.

— Да, — говорит оруженоска, — видать, вы действительно в одной весовой категории. Одновески.

А великан продолжает рассказывать:

— Берусь за несколько пакостей одновременно, потом все путаю, отвлекаюсь... Всех врагов подвожу, всем сподвижникам мешаю...

— Нам, — говорит барон Николай, — Золотой Вентиль нужен, который ты у добрых горожан вероломно похитил. Помнишь такой, или от обилия злодейств позабыл?

— А, — говорит великан, — это... Вот что вам, оказывается, нужно! Ну, с этим Вентилем вообще история...

— А в чем дело-то? — спрашивает оруженоска. — На что он вам сдался?

— Да не мне он сдался, — вздыхает великан. — Тут вот какая котовасия. Есть у меня дружок один, дракон Жора, ему лет сто назад какой-то заезжий рыцарь в неравном поединке зуб такой же вот дубинкой выбил, самый рабочий зуб, резец жевательный. А зубных врачей дракон Жора ужас как боится, не летит новый зуб вставлять, вот и перебивается уже сотню лет супчиками да жидкими кашками, без мяса совсем отошал, с морды спал. Зимой-то еще ничего, зимой-то он в спячку впадает, а по весне просыпается и начинает со страшной

силой выть от вегетарианской своей тоски. Так воеет, бедолага, так воеет! За триста верст слышно. Я терплю, терплю, а потом не выдерживаю, ребята, — срываюсь с места и отправляюсь дружку своему Жоре золото на зуб добывать. А Вентиль этот и по весу подходящий, и не охраняет его никто особо, вот я по привычке—то все его и тягаю, поскольку дело проверенное.

— Ну а дальше—то что? — спрашивает донья Маня.

— Ну, что—что... А то. Дальше как получается? А так, что Вентиль — это ж еще не зуб, это только полдела. Его надо переплавлять, выковывать, вставлять... А мне ох как лень всем этим заниматься. Нет, поначалу—то я загораюсь, раздуваю горн, строю планы, как я этот зуб сделаю да дракону Жоре подарю... А потом как—то гасну. И знаете, что еще, — сомнения меня терзать начинают. И вот какого плана сомнения. Я ж злодей, стало быть, совершать должен злые дела, а другу помочь — это ж доброе дело! Так?

— Так.

— Вот то—то и оно!

— Да, — говорит барон Николай, — дело оно доброе, но людям—то ты зло причиняешь, оставляешь их без горячей воды, а им без нее — ни себя не помыть, ни посуду!

— Вот то—то и оно! — напирает великан. — И что получается? Получается — налицо неразрешимое противоречие! Одним — зло, другим — добро; это уже двурушничество какое—то получается, ребята, лицемерие! А это не мой профиль: я злодей, но не лицемер и не двурушник. Вот я от этого противоречия мучаюсь—мучаюсь, маюсь—маюсь, а там, глядишь, и к вою драконьему привык—притерпелся — вот тогда я беру ваш Золотой Вентиль и несую его обратно, где взял, от греха подальше, чтоб совесть злодейская меня по ночам не ела. Тем более, что у меня к тому времени куча других неотложных злодейств накапливается, не до зуба мне... И так уже в течение многих—многих лет эта история со мной повторяется: будто в замкнутом кругу живу, ребята!

— Ерунда какая—то, — говорит оруженоска.

— И не говорите, — кивает великан, встает и цепляет барона Николая пальцами под мышки. — Давай—ка подсоблю...

Ухнул — и вытянул рыцаря из почвы. Барон Николай сразу на щит присел, ботфорты скинул, портянки размотал — ноги у него затекли сильно. Оруженоска ему пальцы массажировать принялась, а сама с великаном разговор

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru